

Żanna STAROWA

Instytut Problemów Radykalizmów, Kijów

Natalia MASALSKA

Szkoła średnia nr 31, Grodno

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ УГРОЗЫ И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ И ИХ ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Действенность повеления, как известно, определяется не столько формой повеления, сколько тем, что оно выражает. Мы придерживаемся точки зрения, что, хотя в исследовании естественного языка трудно оставаться объективным, именно периферия (вторичные функции) занимает доминирующее положение в лингвистике, дает материал для исследования. Так, по всей вероятности, можно расширить традиционное определение в грамматике побудительного предложения. Проявление волеизъявления, лежащее в основе любого побуждения, в нормативных грамматиках связывается с категорией наклонения и в частности – с повелительным наклонением, которое в функциональной грамматике рассматривается как доминанта функционально-семантического поля побуждения. Следовательно, категория побуждения, значительно шире повелительного наклонения и может быть реализована различными способами, в зависимости от коммуникативно-прагматической ситуации, от необходимости выразить ту или иную степень интенсивности, от выбранного адресантом вида психического воздействия на поведение адресата, как убеждение, приказ, внушение, каждому из которых соответствует свой тип языковой информации. В зависимости от иллюкутивной силы волеизъявления, т.е. ментального состояния, в которое адресант хочет привести адресата, по отношению к адресату оно принимает очертание конкретного речевого действия: угроза, предостережение, приказ, предупреждение, запрещение и т.д.

Дифференциация плана содержания директивного речевого акта, как инициативного речевого акта, открывающего минимальную диалогическую интеракцию, для успешного завершения которой требуется ответная реакция адресата, связанная с каузируемым действием (выполнение / невыполнение действия, согласие / отказ выполнить действие), определяется действием следующих прагматических факторов, отражающих существенные признаки директивной ситуации:

1. приоритетность / неприоритетность позиции адресанта;
2. облигаторность / необлигаторность выполнения каузируемого действия для адресата; бенефактивность / небенефактивность каузируемого действия для одного из коммуникантов. Определенные комбинации этих признаков составляют типовые прагматические контексты, позволяющие правильно интерпретировать иллокутивный смысл директивного высказывания, независимо от формы его выражения. На базе таких контекстов Е. И. Беляевой выделяются три типа директивных актов:

1. прескриптивные (бенефактивность нерелевантна) – адресант занимает здесь позицию “авторитета” и его полномочия подтверждаются более высоким социальным статусом. Характерно неравенство ролей и возможность применения санкций к адресату, что приводит к облигаторности выполнения требуемого действия. Например, приказ, запрещение, предписание и т.д.;

2. реквестивные (необлигаторность действия, неприоритетность адресанта – вера в возможности и силы адресата, бенефактивность действия для адресанта). Например, просьба, мольба и т.д.;

3. суггестивные (необлигаторность действия, приоритетность адресанта, небенефактивность действия для адресанта). Например, совет, предупреждение и т.д.¹

В. А. Артемов², в свою очередь, выделяет три коммуникативных типа воздействия на волю и поступки адресата речи:

¹ Беляева Е. И. *Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке*: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук (10.02.04). – М.: Ин-т языкознания АН, 1988. – 33 с.

² Артемов В. А. *Психология речи за сорок лет (1917–1957)* // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. – 1960. – № 20. – 619 с.

1. обязывание и побуждение (приказ);
2. требование прекратить (запрещение, угроза, упрек);
3. убеждение (совет, предупреждение).

А. В. Вельский³ предлагает различать два типа речевого воздействия:

1. обязывающее воздействие (приказ, запрет, требование, угроза);
2. воздействие, направленное на свободное решение (предложение, предостережение, предупреждение).

По такому дифференциальному признаку как наличие / отсутствие отрицания (побуждение / запрещение) Л. А. Киселева⁴ разделяет частные побудительные значения по степени интенсивности:

1. категорическое (приказ, запрещение, разрешение);
2. смешанное (просьба);
3. нейтральное (совет).

Таким образом, для дифференциации конкретных речевых действий необходимо наличие дополнительных прагматических признаков. Угроза и предостережение реализуются посредством императивных форм в их прямом и непрямом выражении. Соответственно, эту категорию можно рассматривать на базе эксплицитно заданных исходных классификационных признаков частных императивных значений:

А – импульс каузации;

А1 – исходящий от адресанта;

А2 – исходящий от адресата;

Б – заинтересованность;

Б1 – исполнение каузируемого действия в интересах адресанта;

Б2 – исполнение каузируемого действия в интересах адресата;

В – субординация;

В1 – адресант ставит себя выше адресата;

В2 – адресант ставит себя ниже адресата.

³ Вельский А. В. *Побудительная речь* // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1953. – С. 6–15.

⁴ Киселева Л. А. *Вопросы теории речевого воздействия*. – Ленинград: Изд-во Университет, 1978. – 160 с.

Согласно этой системе, угроза характеризуется следующим набором признаков: А1, В1, В1, а предостережение – А1, Б2, В1 (как показывает фактический материал). Как видно, существует определенная семантическая близость семантических категорий угрозы и предостережения. При этом угроза и предостережение могут иметь либо прохибитивное значение (запрещение), либо превентивное (предостережение):

1а. Запрет происходящего в настоящее время действия:

“Hör’ auf damit, sonst passiert gleich was!”.

1б. Запрет планируемого действия:

“Ich werde dir gleich helfen, Freundchen!”;

“Jetzt kriegst du gleich eins aufs Maul!”;

“Wenn du mit deiner Mutter darüber sprichst, erzähle ich dir nichts mehr!” Der Junge wußte zu drohen (R. Schuder, Die zerschlagene Madonna, S. 126).

2. Угрожающее предостережение:

“Machen Sie mich nicht wütend!” Brutal schob er den Kriebel zwischen ihre Zähne (H. G. Konsalik, ... Rivalin, S. 124).

Запрещение предполагает противопоставление воли адресанта воле адресата, т.к. в основе всех запрещений лежит понятие “нельзя”, они лишают адресата возможности совершить желаемое действие⁵. Запрещение является речевым актом побуждения, при котором адресант либо не разрешает исполнителю совершить какое-то действие, либо в категорической форме призывает не совершать или прекратить какое-то действие, считая, что он – адресант – имеет на это право. Данную функцию в форме запрещення (прохибитива) или императива (императив есть побуждение сделать что-то, а запрещение – не делать) может выполнять приказ, требование, совет, предупреждение, просьба, в зависимости от степени интенсивности. Наиболее высокая степень интенсивности наблюдается в приказе, т.к. здесь за несовершение действия адресата ждет наказание, закрепленное законом (армейским уставом, например), а самая слабая степень, на наш взгляд, – в совете (“Mach’ das nicht!”), просьбе (“Mach’ das nicht, bitte!”).

⁵ Хоанг Ань. *Высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке*. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М.: Изд-во МГУ им. Ломоносова, 1993. – 15 с.

Речевой акт угрозы содержит в себе сему обещания, хотя между высказываниями угрозы и обещания могут существовать принципиальные различия. В отличие от акта обещания, адресант угрожающего высказывания не всегда выступает гарантом реальности будущего события. Он может угрожать и событием, свершение которого от него не зависит:

“Der wird dich für mich rächen!”

“Наличие у актов обещания и угрозы ряда общих структурно-семантических особенностей и вместе с тем различие по признаку по признаку “+/-” отношения адресата к содержанию обращенного к нему высказывания делают возможным употребление предложения, являющегося по формальным признакам менасивом (угрозой), в качестве промисива (обещания) и наоборот. Не соответствие между предназначенностью предложения и его употреблением порождает стилистический эффект”⁶.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении фактический материал показывает, что семантические категории угрозы и предостережения взаимодействуют с такими частными побудительными значениями как предупреждение, запрещение, обещание и приказ. Например, в смысловое содержание предложения – высказывания: “Noch ein Wort”, brüllte Lipski, “und ich schlage Ihnen die Fresse ein!” (H. W. Richter, Du sollst ..., S. 192) одновременно входят следующие смысловые компоненты:

- а) косвенное побуждение – “Schweigen Sie!”,
- б) косвенное запрещение – “Sprechen Sie nicht mehr!”,
- в) обещание – “Sonst passiert gleich etwas” (иначе я сделаю Р – плохо для тебя),
- г) предупреждение – “Wenn Sie nicht schweigen, passiert P – schlimm für Sie!” (иначе произойдет Р – плохо для тебя).

Согласно Дж. Серлю⁷, предостережение есть доведение до сведения адресата, что некоторое событие не соответствует его интересам, а совет наоборот – некоторое действие соответствует интересам адресата. В то же время коренное различие между обе-

⁶ Почепцов О. Г. *Основы прагматического описания предложения*. – Киев: Изд-во КГУ, 1986. – 116 с.

⁷ Серль Дж. Р. *Косвенные речевые акты* // “Новое в зарубежной лингвистике”. – Вып. 17. – Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195–223.

панием одной стороны, и угрозами – с другой, состоит в том, что обещание есть обязательство сделать что-то для вас, а не в ущерб вам, тогда как угроза есть обязательство сделать что-то в ущерб вам, а не для вас. Получатель предостерегающего – угрожающего высказывания интерпретирует информацию, содержащуюся в нем, как руководство к действию, а побуждение, содержащееся в высказывании, рассматривает и как сообщение о состоянии дел. Но предупреждение является также эксплицитным перформативом⁸ для иллюкутивного глагола “угрожать”, а в акте угрозы невыгодное положение дел для адресата, как правило, зависит от адресанта. Поэтому, несмотря на то, что угрожающая и предостерегающая тактики речевого поведения объединяются по намерению адресанта вызвать у адресата эмоцию страха по отношению к определенному объекту или явлению, они различаются по другому дифференциальному признаку – по заинтересованности адресанта в выполнении требуемого или предлагаемого действия, или по тому, в чьих интересах совершается данное волевое действие. Угрозу, в отличие от предостережения, следует отнести к ситуации межличностного конфликта, к сфере злонамеренного поведения. Тогда как биологической целью предостережения является способствование выживанию⁹. При этом, однако, не во всех ситуациях обязательно наличие признака друженности / недруженности адресата для разведения этой оппозитивной пары, хотя З. Вендлер считает, что если высказывание оценивается как угроза, то имеется предпосылка о недруженности угрожающего¹⁰. Однако не исключены случаи использования угрожающей тактики, эксплицитно направленной против самого адресанта, когда он грозит сделать плохо самому себе – “берет на испуг” адресата, добиваясь таким образом от, как правило, вышестоящего адресата каких-то изменений положения дел в свою пользу. Такую угрозу не следует интерпретировать как

⁸ Остин Дж. Л. *Слово как действие* // “Новое в зарубежной лингвистике”. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–131.

⁹ Майерс Д. *Социальная психология* / пер с англ. – Санкт-Петербург: Питер, 1997, – 688 с.

¹⁰ Вендлер З. *Иллюкутивное самоубийство* // “Новое в зарубежной лингвистике”. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238–251.

враждебную модель поведения – Зло. Она имеет здесь не деструктивный, а конструктивный характер, (что сближает ее с предостережением), т.к. не предполагает как самоцель нанесение ущерба другим, а является инструментом для осуществления желания, обусловлена определенным побуждением. По аналогии с принятыми в психологии терминами, такую угрозу, как и предостережение, можно с полным на то основании определить как инструментальные и поведения. Так, например, отец противится замужеству дочери, на что последняя отвечает:

Дочь: “Dann bring ich mich um!”

Мать: “Und red keinen Unfug!”

Дочь: “Oder ich gehe zu den Soldaten! Jawohl!”

Мать: “Dann straf dich Gott!” (M. Frisch, Andorra, S. 253).

Таким образом, есть все основания относить угрозу к предупреждающим РА, объединяющим способы вербального указания на возможные неблагоприятные последствия планируемого или совершаемого действия адресата. Например:

“Du solltest mich lieber in Ruhe lassen. Es wäre besser für dich” (S. King, Es, S. 16).

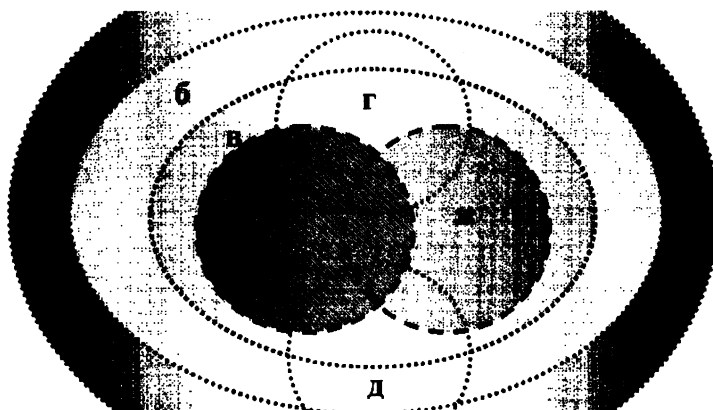
К тому же, для глаголов “угрожать” возможно лишь перформативное употребление:

“Der Boß hat den Arbeitern gedroht, sie zu entlassen” (J. O. Askendal 1997:13).

Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал делает возможным вывод о смысловой близости глаголов “bedrohen” и “warnen”, по крайней мере, в их побудительном значении. Кроме того, возможно употребление перформативного глагола “warnen” в высказываниях угрозы. Например:

“Ich warne dich, Bella, beim geringsten Fluchtversuch kenne ich keine Gnade!” (H. G. Konsalik, ... Rivalin, S. 122).

На основе общего дифференциального признака “предупреждение об опасности” отношения угрозы и предостережения можно определить как неопозитивные, а на основе признака “враждебность / невраждебность” адресанта по отношению к адресату – как опозитивные. Указанная взаимосвязь семантических категорий угрозы и предостережения наглядно может быть представлена в рамках более общих категорий в следующей схеме:

где “а” – область волеизъявления, “б” – побуждения, “в” – предупреждения, “г” – запрещения, “д” – обещания, “е” – угрозы, “ж” – предостережения. Пунктирные границы областей наглядно демонстрируют их “прозрачность”, возможность взаимопересечения с другими областями, в том числе и не указанными в данной схеме.

Говоря о мотивации коммуникантов, следует учитывать тот факт, что в основе ситуационных моделей лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Следовательно, коммуникативно-прагматическая ситуация есть единство и соотношение речевых и неречевых элементов и условий, необходимых для понимания определенного текста. Текст понятен только тогда, когда понятна ситуация¹¹. Последняя является экстралингвистической реальностью и основой формирования семантической структуры конкретного предложения. Причем, один и тот же фрагмент действительности может рассматриваться как одна ситуация или как совокупность ситуаций¹². В ситуации угрозы присутствует и ситуация страха. Коммуникативно значимый объем ситуаций зависит от избранного масштаба рассмотрения. Но объективная ситуация как экстралингвистическая реальность, преломляясь в сознании че-

¹¹ Дейк Т. А. ван *Язык. Познание. Коммуникация*. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

¹² Михайлов Л. М. *Коммуникативная грамматика немецкого языка*. – М.: Высшая школа, 1994. – 256 с.

ловека, получает субъективную окраску, что приводит в некоторых случаях к смешению ситуаций и к неадекватным реакциям. В качестве вспомогательных средств здесь могут быть использованы как вербальные, так и невербальные средства выражения, что диктуется неречевыми характеристиками ситуации. При этом, набор невербальных средств соответствует характеру вербального выражения высказывания, в котором они функционируют.

Следует предположить, что коммуникативно – прагматические ситуации угрозы и предостережения предваряют определенные аверсивные ситуации, которые предполагают наличие боли или дискомфорта, фрустрации, нападения или оскорбления¹³. Таким образом, до произнесения угрозы адресант может использовать поведенческую тактику оскорбления, которая, при этом становится составным элементом самой угрозы. Тогда, в случае, если вербальная агрессия перерастает в физическую, ситуация угрозы, включающая вербальный и невербальный уровень, предстанет в следующем виде (в основу положена схема, предложенная¹⁴:

Вербальный уровень

1. Действия / бездействия адресата (А)
не устраивают адресанта (Б)
- ↓
2. Участник А оскорбляет участника Б
- ↓
3. Б отвечает А оскорблением на оскорбление
- ↓
4. А и Б ссорятся
- ↓
5. Угрозы и контругрозы
- ↓
6. Физическое нападение

¹³ Майерс Д. *Социальная психология* / пер с англ. – Санкт-Петербург: Питер, 1997, – 688 с.

¹⁴ Бэрн Р., Ричардсон Д. *Агрессия* / пер с англ. С. Меленевская, Д. Викторова, С. Шпак. – Петербург: Питер, 1997. – 336 с.

Предостережение отличает отсутствие предварительных тактик и, в большинстве случаев, отсутствие самой агрессии адресанта, поэтому, по аналогии с представленной цепочкой следования этапов порождения и реализации угрозы, ситуацию предостережения и ее результатов логично анализировать на этапах 1, 5, 6. Соответственно: 1) действия / бездействия Б, по мнению А, могут привести к негативным для Б последствиям $P \rightarrow 2$) (5) А предостерегает Б и Б реагирует / не реагирует на предостережение $\rightarrow 3$) (6) а) Б принимает меры предосторожности и Р не происходит; б) Б не принимает меры предосторожности и Р происходит; в) Б принимает меры предосторожности, но Р все равно происходит. В центре нашего исследования находится 5-й этап развития угрожающей ситуации и 2-й этап развития ситуации предостережения.

При рассмотрении коммуникативно-прагматических ситуаций необходимо учитывать аспект пространственного соотношения между участниками речевого общения. Прямые отношения (контакты) адресанта / адресата характерны для “спонтанной разговорной речи”, которая (чаще всего – это диалогическая речь) реализуется в непосредственном акустическом контакте с возможностью обратной связи для адресанта. Спонтанная речь реализуется либо как коммуникация “лицом к лицу” (контактная), либо как “дистантная” (например, по телефону).

Определенное влияние на выбор языковых средств оказывает вид фиксации речевого высказывания – устная и письменная формы. Письменная речь сужает канал получения информации, что отражается и на выборе экстралингвистических и паралингвистических средств. Ситуация, как наиболее общее паралингвистическое средство устного общения, как совокупность временных, пространственных, предметных условий отличается от тематических контекстов в письменной речи. Ее роль в устном общении заключается в “снятии” избыточных средств, которые на письме подлежат раскрытию в высказывании. В устном общении зрительные и слуховые восприятия (визуальные и акустические) помогают без разъяснений воспринимать информацию, а в письменной речи и в вышеназванных “дистантных” ситуациях коммуникации собеседники не могут использовать кинетический и звуковой каналы связи, не могут повлиять нере-

чевым действием и увидеть по мимике и жестам впечатление от сказанного.

Следует учесть, что наиболее насыщена стилистическими нарушениями спонтанная речь, меньше – подготовленная, и всего меньше – письмо. Поэтому особенно негативно рассматриваются письменные нарушения стиля как недостаточность коммуникативной компетенции. Последний случай следует отнести к неканоническим формам ситуации. А полноценная – каноническая¹⁵ форма речевой ситуации определяется следующими параметрами:

1. адресант и адресат присутствуют в контексте сообщения;
2. (единство времени) момент произнесения высказывания адресантом совпадает с моментом его восприятия адресатом;
3. (единство места) адресант и адресат находятся в одном и том же месте; обычно отсюда следует, что они могут видеть друг друга и имеют общее поле зрения¹⁶.

Попытаемся спроецировать ситуацию косвенного выражения угрозы и предостережения на известную методику определения условий успешности императивных высказываний¹⁷, которая принимает во внимание ситуативные признаки:

1. адресант хочет, чтобы адресат выполнил / не выполнил некоторое действие;
2. адресант намерен побудить адресата к совершению или прекращению действия;
3. момент времени наступления последствий позже произнесения высказывания;
4. адресант подразумевает или называет какие-то негативные последствия для адресата, в случае “непослушания” последнего. 1–4 семантические признаки могут существовать, даже если они не получают языкового выражения, т.е. вербальный акт угрозы или предостережения не выражается в речи;

¹⁵ Неканонические ситуации являются своеобразным переходным случаем от разговорного языка к художественному тексту.

¹⁶ Падучева Е. В. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива)*. – М: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 464 с.

¹⁷ Конрад Р. *Вопросительные предложения как косвенные речевые акты* // “Новое в зарубежной лингвистике”. – Вып. 16. – 1985. – С. 349–370.

5. отражение социально – ролевых отношений коммуникантов:
- а. адресат обязан выполнить прямое действие, что свойственно для ситуации угрозы и в меньшей степени – для предостережения, при симметричности социальных ролей участников коммуникации, например, оппозиция отцов и детей;
 - б. адресат не обязан выполнить предписываемое действие, например, в условиях неофициального общения с незнакомым человеком на улице и т.п.;
6. адресат в состоянии выполнить предписанное действие, т.е. может ли адресант (угрожающий, предостерегающий) рассчитывать на успех, иначе угроза или предостережение становится беспредметной. Последний признак можно отнести к прагматическим пресуппозициям (максимы Грайса).

Угроза и предостережение характеризуются общим дифференциальным признаком: оказание давления на волю, эмоциональное состояние, поступки адресата посредством прямого или следующего из контекста указания на ожидающие его неприятности в случае неприятия во внимание угрозы или предостережения, т.е. имплицитное или эксплицитное наличие в данной ситуации тактики устрашения во благо или во вред адресату. Данный признак избирается в качестве доминирующего для категорий угрозы и предостережения. Однако, несмотря на то, что грожающая и предостерегающая модели речевого поведения объединяются по намерению адресанта вызвать у адресата эмоциональное состояние страха с целью модификации его поведения, они различаются по другим второстепенным дифференциальным признакам – по наличию семантики требования (адресант требует в имплицитной или эксплицитной форме) выполнить действие X – угроза / адресант советует выполнить действие X – предостережение) и, соответственно, по заинтересованности адресанта в выполнении требуемого или предлагаемого действия, или по тому, в чьих интересах совершается данное волевое действие. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дифференциации угрозы и предостережения как разных коммуникативно-прагматических речевых ситуаций категории предупреждения:

1. угроза, как речемыслительное (и вербальное) действие, адресована другому лицу с целью каузировать, изменить определенное положение дел. Доминирующей здесь является семантика императива, соответственно воля адресата несвободна, контролируется в определенной степени со стороны адресанта:

“Platz machen, sonst hau ich dir ein paar in die Fresse!”

2. предостережение, являясь речемыслительным (вербальным) действием также адресовано другому лицу, однако не только с целью изменить существующее положение дел, но и информировать адресата о имевшем место положении дел в прошлом, потенциально возможном в настоящем и в будущем. Воля адресанта для адресата в ситуации предостережения не является доминирующей (предостережение – совет):

“Paß mal auf, mach das Ding nicht kaputt!”

Данные объективные обстоятельства следует учитывать при моделировании коммуникативно-прагматических ситуаций угрозы и предостережения:

Ситуация угрозы: А угрожает В, что Р – плохо для В, если В не выполнит требования Х. При этом:

- а) существует какое-то положение дел, которое не устраивает адресанта – инициатора речевого действия,
- б) адресант намеревается оказать воздействие на волю и поступки адресата – объекта речевого действия,
- в) адресант предписывает совершение / несовершение какого-то действия в своих собственных интересах,
- г) адресант пользуется для достижения этой цели тактикой “запугивания”, т.е. обещает причинить зло адресату.

Ситуация предостережения: А предостерегает В, что Р – плохо для В, если В не выполнит предписываемого действия Х (не требование). При этом:

- а) существует какое-то положение дел, которое невыгодно, с точки зрения адресанта, для адресата,
- б) адресант намеревается оказать воздействие на волю и поступки адресата,
- в) адресант предписывает совершение / несовершение какого-то действия в интересах адресата,
- г) адресант пользуется для достижения этой цели тактикой “запугивания” путем сообщения о грозящей опасности.

Данные признаки могут быть представлены в виде таблицы:

Семантические категории	Угроза	Предостережение
Категориальные признаки		
Предупреждение о возможном Р – плохо для адресата	основной признак	основной признак
Действие / бездействие адресата	каузируется адресантом	каузируется адресантом
Каузируемое действие совершается в интересах	адресанта	адресата
Намерения адресанта	враждебны	невраждебны
Выполнения каузируемого действия для адресата	облигаторно	необлигаторно
Адресант занимает в речевой ситуации	приоритетное положение	неприоритетное положение
Положение вещей Р – плохо для адресата	адресант контролирует	адресант не контролирует
В ответной реплике угроза	возможна	невозможна
В ответной реплике предостережение	невозможно	возможно

Данная таблица позволяет ответить на следующие вопросы:

1. Что избирается нами в качестве основного категориального признака как для угрозы, так и для предостережения?
2. Кем каузируется действие / бездействие адресата?
3. Враждебны или не враждебны намерения адресанта по отношению к адресату?
4. Облигаторно или нет выполнение каузируемого действия для адресата?
5. Приоритетное или неприоритетное положение занимает адресат в данной речевой ситуации?
6. Под чьим контролем находится положение вещей Р – плохо для адресата?
7. Возможна ли угроза в ответной реплике адресата?
8. Возможно ли предостережение в ответной реплике адресата?

БИБЛИОГРАФИЯ

Адмони В. Г. *Структура предложения* // Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. – Л: Учпедгиз, 1935. – С. 3–27.

- Артемов В. А. *Психология речи за сорок лет (1917–1957)* // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. – 1960. – № 20. – 619 с.
- Арутюнова Н. Д. *Фактор адресата* // “Известия АН СССР”, Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–368.
- Беляева Е. И. *Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: Ав-тореф. дис. ... д-ра филол. наук (10.02.04).* – М.: Ин-т языкознания АН, 1988. – 33 с.
- Благий Т. Л. *Коммуникативно-прагматические классы предложений страха и опасения* // Коммуникативно-прагматические классы и типы предложений: Межвуз. сб. – Иркутск: Изд-во ИГПИИЯ, 1992. – С. 8–15.
- Благий Т. Л. *Коммуникативно-прагматические классы предложений угрозы, страха и опасения в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук.* – Иркутск: ИГПИИЯ, 1994. – 160 с.
- Бондарко А. В. *Понятия “семантическая категория”, “функционально-семантическое поле” и “категориальная ситуация” в аспекте сопоставительных исследований* // Методы сопоставительного изучения языков. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С. 12–19.
- Бэрон Р., Ричардсон Д. *Агрессия* / пер с англ. С. Меленевская, Д. Викторова, С. Шпак. – Петербург: Питер, 1997. – 336 с.
- Васильев Л. М. *Современная лингвистическая семантика: Уч. пособие для вузов.* – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
- Васильев Л. М. *Теория семантических полей* // “Вопросы языкознания”. – М.: Наука, 1971. – 160 с.
- Вендлер З. *Иллокутивное самоубийство* // “Новое в зарубежной лингвистике”. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238–251.
- Воейкова М. Д. *Оттенки семантики побудительности в номинативных высказываниях* // Императив в разноструктурных языках. Тезисы докладов конференции “Функционально-типологическое направление в грамматике повелительности”. Л.: Ин-т языкознания АН, 1988. – С. 41–47.
- Вольф Е. М. *Функциональная семантика оценки.* – М.: Наука, 1985. – 230 с.
- Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования.* – М.: Наука, 1981. – 139 с.
- Девкин В. Д. *Самостоятельные предложения с даß* // Ученые записки МПИ им. В. П. Потемкина. – 1958. – С. 25–36.
- Дейк Т. А. ван *Язык. Познание. Коммуникация.* – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Зализняк Анна А. *Семантика глагола “бояться” в русском языке* // “Изв. АН СССР”, Сер. лит. и яз. – 1983. – Т. 42. – № 1. – С. 5–66.
- Киселева Л. А. *Вопросы теории речевого воздействия.* – Ленинград: Изд-во Университет, 1978. – 160 с.
- Конрад Р. *Вопросительные предложения как косвенные речевые акты* // “Новое в зарубежной лингвистике”. – Вып. 16. – 1985. – С. 349–370.

- Майерс Д. *Социальная психология* / пер. с англ. – Санкт-Петербург: Питер, 1997 – 688 с.
- Малинович Ю. М., Семенова И. М. *Коммуникативно-прагматический класс предложений угрозы* // Логико-семантические и прагматические проблемы текста. – Красноярск: Изд-во КГПИ, 1990. – С. 58–62.
- Мещанинов И. И. *Понятийные категории в языке* // “Труды военного института иностранных языков”. – М., 1945. – 120 с.
- Милосердова Е. В. *Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современ. нем. яз.)*. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 194 с.
- Михайлов Л. М. *Коммуникативная грамматика немецкого языка*. – М.: Высшая школа, 1994. – 256 с.
- Остин Дж. Л. *Слово как действие* // “Новое в зарубежной лингвистике”. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–131.
- Падучева Е. В. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива)*. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 464 с.
- Почепцов О. Г. *Основы прагматического описания предложения*. – Киев: Изд-во КГУ, 1986. – 116 с.
- Семенова Т. И. *Семантика и синтаксис конструкций с предикатами стража в современном англ. яз.*: Дис. ... канд. фи-лол. наук. – Иркутск: ИГПИИЯ, 1993. – 170 с.
- Серль Дж. Р. *Косвенные речевые акты* // “Новое в зарубежной лингвистике”. – Вып. 17. – Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195–223.
- Степанов Ю. С. *Семиотика*. – М.: Радуга, 1983. – 636 с.
- Туранский И. И. *Семантическая категория интенсивности в английском языке*. – М.: Высшая школа, 1990. – 173 с.
- Хантакова В. М. *Синонимия эмоционально-экспрессивных предложений оценочной семантики* // Семантико-прагматические аспекты высказывания: Тезисы научной конференции аспирантов. – Иркутск: Изд-во ИГПИИЯ, 1990. – С. 67–71.
- Хоанг Ань. *Высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке*: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М.: Изд-во МГУ им. Ломоносова, 1993. – 15 с.
- Храковский В. С., Володин А. П. *Семантика и типология императива (русский императив)*. – Л.: Изд-во Наука, 1986. – 272 с.
- Шатуновский И. Б. *Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика)*. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 400 с.
- Шафф А. *Введение в семантику* / пер. с польского. – М.: Изд-во ин-т лит-ры, 1963. – 367 с.

- Шаховский В. И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. – Воронеж: Изд-во Университет, 1987. – 191 с.
- Grice H. P. *Logic and Conversation*. – In: *Syntax and Semantics*. – New York etc.: Academic Press, vol. 3. *Speech Acts*, 1975. – p. 45–47.
- Leibniz G. W. *Tabulae difinitionum. Tablice definicji* // *Słownik i semantika. Definicje semanticzne. Z Dziejów Form Artystycznych w Literaturze Polskiej*. Tom 39. – Wrocław: Ossolineum, 1975. – S. 8–89.

SEMANTYCZNE KATEGORIE GROŻBY I OSTRZEŻENIA ORAZ ICH PODSTAWOWE CECHY KATEGORIALNE

Streszczenie

W artykule dokonano szczegółowej analizy aktów komunikacji wyrażających *groźbę* lub *ostrzeżenie* w języku rosyjskim i niemieckim, co pozwoliło określić istotne cechy tych kategorii semantycznych, np. priorytetowość/niepriorytetowość pozycji adresata, obligatoryjność/nieobligatoryjność komunikowanych działań dla uczestników aktu komunikacji itd. Ponadto analiza wykazała, że w komunikatach wyrażających *groźbę* i *ostrzeżenie* można wyodrębnić takie składniki znaczeniowe jak uprzedzenie (o czymś), zakaz, obietnicę i rozkaz.

THE SEMANTIC CATEGORIES OF THREATS AND WARNINGS AND THEIR FUNDAMENTAL FEATURES

Summary

The article is a detailed analysis of communicative discourses expressing *threat* or *warning* in the Russian and German language, which allowed to determine significant features of these semantic categories, e.g. prioritization/non-prioritization of the addressee, compulsoriness/non-compulsoriness of communicated actions for the participants of a communicative discourse, etc. Moreover, the analysis has revealed that in utterances expressing *threat* or *warning* we may distinguish such semantic elements as prejudice (against something), ban, promise and command.